

Имя драматурга Виктора Розова хорошо известно любителям театра и кино у нас в стране и за рубежом. Велик его авторитет и как публициста, часто выступающего со статьями и устными размышлениями о проблемах нравственности, формирования вкуса, воспитания подрастающего поколения. В публикуемых сегодня заметках Виктор Сергеевич делится своими мыслями о состоянии современного кино, отечественного и зарубежного, рассказывает о роли и месте его в своей личной судьбе. Видный советский писатель, яркий и авторитетнейший драматург вполне субъективен в своем рассказе, далеко не со всеми его наблюдениями и мыслями редакция может согласиться. И тем не менее редколлегия считает, что заметки могут оказаться полезными читателям не только как своеобразная автохарактеристика оригинальной творческой личности, но прежде всего многими здравыми и точными суждениями.

Виктор РОЗОВ:

«Я ЗА ТО, ЧТОБЫ УДИВЛЯТЬ»

Начну издапека. В первый раз я встретился с этим явлением в деревне, где недолго жил в детстве. Мне было лет 6—7. В сарае должны были «жрутить кино». Мы, мальчишки, забралась туда заранее, и вот на белой стене что-то замелькало. О это было событие! Показывали прибытие поезда, а мы еще никогда в жизни не видели настоящего паровоза. Какое-то невероятное чудовище с того света двигалось на нас. Начался гвалт! Мы опрорметью бросились из сарая. Вот такое грандиозное впечатление произвел на меня в первый раз кинематограф! Впрочем, я уже об этом как-то рассказывал...

Потом, уже в городе Ветлуге, я увидел ленты, которые просто показывали, как идет человек или летит птица. Впечатление уже было послабее.

В Костроме, куда в десятилетнем возрасте я переехал с родителями, я не пропускал ни одного фильма, кроме не положенных мне по возрасту—ведь в наше время, когда взрослые говорили нельзя, мы слушались. То ли мы были излишне доверчивы, то ли взрослые были умнее и слово «нельзя» произносили к месту.

Тогда, в двадцатые годы, был расцвет «великого намога»: Дуглас Фэрбенкс, Мэри Пикфорд, Гарри Пиль, Конрад Вейдт, Аста Нильсен... Что же на меня повлияло? То кино было романтическим.

Как сейчас мальчишки любят всяческие приключения, гонки, так мы любили фильмы из жизни ковбоев. Это наполняло нас самих энергией и загадочностью: мол, существуют какие-то неведомые герои и страны, где случается множество невероятных событий. И у меня были любимые герои—Гарри Пиль и Уильям Харт. О Уильям Харт, он умел стрелять из двух револьверов сразу—захватывающее зрелище! Как это было прелестно! Романтизм тех приключений настраивал на какой-то хороший лад. Мы сооружали крепости, выстреливали из досок мечи, брали то крепости штурмом...

Почему-то считается, что дети могут подражать насилию на экране. На мой взгляд, дети, которые кино никогда не видели и никаких книг не читали, более способны к жестокости. Конечно же, кинематограф—это самое сладостное из зрелищ моего детства.

Вот у меня дома на полке лежит

книга «История Голливуда», которую мне подарили в Америке, когда я там читал лекции в университете. Открываю ее в первый раз—батьюшки! Это же все герои моего детства. У Константина Симонова есть стихотворение, где он пишет о том, какое впечатление на него впервые произвел кинематограф:

*Тринадцать лет. Кино в Рязани,
Тапер с жестокою душой.
И на заштопанном экране
Страдания женщины чужой:
Погоня в Западной пустыне,
Калифорнийская гроза,
И погибавшей героини
Невероятные глаза.*

Ему так хотелось вернуться в детство и из зва броситься на помощь спаста эту героиню!

*Как я хочу придумать средство,
Чтоб счастье было впереди,
Чтоб хоть на час вернуться в детство,
Догнать, спасти, прижать к груди...*

Когда я прочел это стихотворение, то подумал: как точно Симонов подметил и мои чувства!

Да, в детство кино на меня оказывало большое влияние. А самое главное, это влияние было очень радостным. Оно воспитывало во мне самые лучшие человеческие качества, которые на какой-нибудь занудной лекции о нравственности теряешь напрорч.

Позднее у меня, естественно, сложился более избирательный интерес к кинематографу. А тогда, в силу молодости и к счастью, я оценивал произведения искусства только сердцем, а не умом. Я любил комедии с Игорем Ильинским и Кировым «Процесс о трех миллионах» и «Праздник святого Йоргена», и такую наивную по нынешним временам картину, как «Палирисница от Моссоляпрома». Нравился «Человек из ресторана» с великим Михаилом Чеховым, хотя все говорят, что здесь актер играл гораздо хуже, чем в театре. Фильмы с Малиновской, Эггертом, Коваль-Самборским...

Фото X. Шрамбера

Потом наступили тридцатые—сороковые годы, и, честно скажу, что я бы не назвал ни одной картины, которая произвела на меня такое впечатление, как в детстве. Даже «Иван Грозный» Эйзенштейна. Возможно потому, что я не разделял трактовки образа главного героя, он мне всегда представлялся просто чудовищем, и всякая реабилитация его казалась неправомерной. А вот «Цирк» Александра я смотрел, наверное, раз пятьдесят и всегда с увлечением. Иногда говорят, бывает у художника одна вещь: у Фонвизина—«Недоросль», у Грибоедова—«Горе от ума», а остальные, мол, не помним и помнить не надо. Так вот, у Александра, на мой взгляд, помнить надо «Цирк» и «Веселых ребят»...

В последние годы я очень устал от так называемого «серьезного» кино, в кинотеатры хожу не часто. Конечно, я люблю глубокие фильмы, и наши, и зарубежные... Но радость, увы, только мелькает. Вот, например, мне нравились работы одного нашего кинорежиссера, его удивительные ходы. Но при этом часто казалось, что он меня все время мучает одним и тем же. Тем, что я давно про него понял, а он мне все разжевывает и разжевывает, как будто в этом есть какой-то особенный смысл.

В современном кино мне очень не по душе фильмы, где существуют герои якобы из нашей действительности. Когда в детстве мне нравились фильмы 20-х годов, то их герои для меня были как бы из сказок (хорошие сказки, между прочим, я до сих пор люблю), но другое дело, когда мне показывают якобы современного человека и пытаются доказать, что он человек живой, а он на самом деле из какой-то пресной, серой, заземленной сказки. Это человек фальшивый, порой просто манекен, даже не робот.

Так случается и со многими фильмами, сделанными на военную тему. Порой они еще и очень похожи, как будто смотришь все время одну и ту же ленту. Конечно, были и хорошие произведения. Вот «Горячий снег» по Бондареву на мой взгляд, очень хорошая картина. Но если говорить вообще о данном жанре, хоть мне никого и не хочется обижать, называть много имен авторов, создавших интересные фильмы этого направления, я не могу. Сам я воевал и считаю, что отразить то, что было на самом деле, просто невозможно. Может быть, и не надо, если это действительно художественное произведение. Ведь искусство не соотносится с жизнью прямолинейно, оно все-таки вымысел, плод воображения.

На встречах со зрителями меня часто спрашивают: «Какого автора вы больше всего любите?» Было бы нехорошо, если бы я назвал какую-нибудь конкретную книгу или конкретного писателя: ведь я состою из всех книг, что прочитал, и благодарен всем—и Пушкину, и Стендалю, Марку Твену и Достоевскому, Чехову и Ромену Роллану...

Так и в кино—не могу назвать ту картину, которая бы пригвоздила к себе навечно.

Из последних картин, которые больше всего произвели впечатление—«А корабль плывет» Федерико

Феллини. Эта картина содержит в себе очень многое. По-моему, в ней сказано о человеке и человечестве в этом обезумевшем мире. Режиссер, я бы сказал, удивительно соединяет там прекрасное с ужасным. Какое это чудо—сочетание фантастики и реального! Я смотрел эту картину один раз и еще бы посмотрел. Потому что смотреть ее только раз—это все равно что быстро перелистать книгу или какой-нибудь художественный альбом: хочется остановиться и посмотреть ближе.

А из недавних советских картин я бы отдал предпочтение «Пацанам» Асановой, «Успеху» Худякова и картине «Остановился поезд» Абдрашитова.

Я очень люблю документальное кино, особенно репортажи с места событий. Хорошо помню прекрасное, можно сказать, волшебное зрелище—возвращение Гагарина на землю. По разостланной ковровой дорожке, такой сияющей, обаятельный, идет и улыбается Гагарин. И не замечает—это так трогательно!—что у него развязался шнурок на ботинке. Увы, в вечерней хронике того кадра уже не было. Сделали более казенно. Да, он шел так же прелестно, очаровательно, но этой какой-то душевно-милый дотали со шнурком не хватало.

Конечно же, все отснятые кадры хроники вызывают у меня интерес, но я считаю, что если бы создатели не прилизывали их, не отглаживали редакторским и саморедакторским утюгом, было бы лучше. Я говорю сейчас о тех хроникальных фильмах, которые все время мелькают на экранах наших кинотеатров перед началом сеансов. Они какие-то тяжелые, стандартные, одно и то же, одно и то же... Такое впечатление, что двадцать и тридцать лет назад было то же самое, будто бы в мире ничего не происходит.

В свое время я видел необычайный американский хроникальный фильм под названием «Зуб и коготь». Он снимался какими-то особыми аппаратами в джунглях, где живут дикие звери. Я был просто потрясен этой натуральной картиной. Ай-яй-яй, яй, как живут звери!.. Страшная картина. Но это правда. Я был потрясен правдой. И чем-то этой правдой приподняв вверх. С меня слетела шелуха доморощенного идеализма, ненужного для жизни. Поэтому я бы хотел, чтобы в нашем документальном кино было больше подобных картин.

И одна из картин украинских кинематографистов оставила неизгладимое впечатление. Называется она «Я и другие». Там показано, как реагирует человек на мнение окружающих. Как может повлиять группа людей на твою индивидуальность, как может гипнотически воздействовать чужая воля на твою волю, если все говорят: это черное, это черное,—как трудно сказать, что это белое, хотя ты видишь это своими глазами! Подобные фильмы очень нужны.

В этом смысле я смотрю на телевидение главным образом не как на показ спектаклей и кинокартин, а как на мой продленный глаз. Этот мой длинный глаз, ботюшки, куда он заглянул! На Крайний Север,

или на Южный полюс, или в джунгли, или в тайгу! Мой продленный глаз видит, как живут люди там-то, там-то и там-то... Я вот жалею, например, что трансляция заканчивается сразу же после окончания спортивных матчей. Интересно ведь не только игра. Мне интересно еще и посмотреть, как едет себя публика, особенно если репортаж ведется из страны, команда которой проиграла. Думаешь, ну уж доставь удовольствие, подари еще две-три минуты показ...

В последнее время очень много говорят о распространении видеофильмов. Я согласен с тем, что видеокассетифон—несколько ценный кинематограф, нет здесь присутствия магии зрительного зала. Но все-таки видео может давать более обильную информацию, а мне она просто необходима.

Очень сдержанно я отношусь к различным экранизациям литературных произведений. Тут у меня своя, особая точка зрения. Возможно, я смотрю на это дело консервативно, но когда человек читает книгу, то у него перед глазами только черные полоски букв и строчек, крючочки и значки. Читая он в своем воображении создает образ и является как бы сотворцом самого произведения. Когда же человек сначала смотрит фильм, допустим, «Братья Карамазовы», то у него уже нет своего Ивана, своего Дмитрия, своей Грушеньки. Он видит К. Лаврова, М. Ульяновова, Л. Пичегу—прекрасных актеров, ничего не скажешь, но все-таки он в чем-то обкрадывает себя. Однако мне говорили многие люди: напротив, вы так судите, после кино человек захочет взять книгу и прочесть о том, что он видел. Я это допускаю, скорее условно допускаю. Да, будет читать книгу, а перед глазами видеть тех, кого он започинил на экране. Его собственное воображение уже будет пассивным, а развитие воображения—это величайший фактор и двигательная сила жизни. Воображение создало все самое важное для человечества. Впрочем, вероятно, я все эти слова говорю попусту, это никакого отношения к практике иметь не может, я всегда соглашался на экранизации моих пьес, стараясь, правда, сам переделывать их в сценарии. И однажды даже была удача—«Летят журавли», сценарий я писал сам, хотя в работу съемочной группы не вмешивался, на съемки не ходил, с режиссером разговаривали дома.

На мой взгляд, автору совсем не надо вмешиваться не в свое дело. Ну, зачем же я режиссеру буду говорить, как надо ставить мою пьесу, или же картину по моему сценарию—это его дело. А успех или неудачу делим поровну. Успех вообще в нашем деле бывает редко. У меня в кино было больше неудач, но я сторонник того, что в творчестве нельзя все время искать удачу. Надо стараться работать с увлечением, а искать все время удачу, по-моему, мелко. Если мне в дальнейшем предложат экранизировать мою пьесу, я к этому отнесусь, наверно, положительно, но попытаюсь, не знаю, правда, хватит ли сил, переделать. И нужно

переделывать, это совсем другое искусство—кинематограф, а просто переносить пьесу на экран не следует.

От неудач же я не испытываю сильных эмоций. Я могу испытывать злость, даже ненависть и чувство омерзения, когда допустим, газетную статью, которую написал, вижу напечатанной в искаженном виде. Вытащат пару фраз, заменят их другими. Вот это срам и позор!

Надо, наверно, поговорить о том, что хотелось бы видеть в кино. Вообще если что-то пожелать нашему кинематографу, так это большей раскованности. Какие-то у нас, даже в хороших фильмах, режиссеры зажатые, не чувствуются воли, есть ощущение сделанности, скованности. Это, конечно, очень сложный вопрос. То ли фантазии маловато, то ли существует скованность какими-то для себя определенными системами, выучкой в школе. Я уж не говорю о редактуре—чаще всего это муки мученические. Талант явный, а свободы его полета не вижу. А главное, мне хочется, чтобы каждый кадр чем-то удивлял.

Я очень люблю повторять фразу, сказанную когда-то своим ученикам Алексеем Денисовичем Диким: «Думайте, чем вы будете удивлять—всей ролью, чем будете удивлять—каждым словом...» Великие мастера, как, например, Эйзенштейн в своем «Броненосце «Потемкин», удивляли каждым кадром, ну пусть не каждым, но удивляли. Мне посчастливилось, что Сергей Урусовский в фильме «Летят журавли» удивил всех своими «вертячками-березками» и сценой смерти Бориса.

Сейчас я выскажу одну мысль, с которой, может быть, кое-кто и не согласится, но это—мое глубокое убеждение. Беда нашего искусства, не только кино, но и литературы, в том, что мы уделяем внимание только содержанию произведения. Это хорошо само по себе, это бесспорно, но мы мало внимания уделяем форме. Нас призывают создавать героев, писать о рабочем классе, о крестьянстве, об интеллигенции... Все требуют содержания, а в какой это будет форме, мало кого интересует. И мы ужасно, на мой взгляд, отстали в этом от золотого XIX века и от серебряного начала двадцатого.

Пушкин писал о том, что неважно, какой объект избирает художник, важно, как он это исполнит. В 20-х годах велась горячая дискуссия о соотношении формы и содержания. Юношей я ходил на подобные диспуты. У меня хранится старая газета со статьей под заголовком «Чаша Бенвенутто», в которой автор ставит вопрос: что важнее—чаша сама по себе или вино, которое в ней налито, то есть содержание. Но чаша-то ведь эта—произведение великого скульптора Бенвенутто Челлини...

А потом содержание подмяло форму. Сейчас уже никто и не спорит, и не ведет дискуссий подобного толка. Ох, и как же мы теперь проигрываем в форме!..

Удивлять содержанием и формой—вот идеал!

Записал К. АРБУЗОВ

ВНИМАНИЕ!

В первой половине 1986 года на киностудиях страны запущены в производство фильмы режиссеров-дебютантов: Г. Дульского и А. Добровольского («Брод», «Мосфильм»), О. Шухера («Ве-

зучая», «Мосфильм»), А. Ясенецкого («Сакман», «Мосфильм»), В. Дашука («Двое на острове слез», «Беларусьфильм»), С. Сулейменова («Человек на мотоцикле», «Казахфильм»), А. Камчи-

бекова («Дилетант», «Киргизфильм»), Ф. Юсуфова («Свидетели по делу», «Азербайджанфильм»), А. Позднякова («Все против одного», Литовская киностудия).

Режиссеры представляют различные регионы страны: Россию, Белоруссию, Среднюю Азию, Закавказье, Прибалтику... Редакция журнала намерена регулярно

публиковать материалы, повествующие о разных этапах работы над этими картинами. А по окончании съемок обсудить новые фильмы молодых кинематографистов вместе со зрителями.